

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
Выпуск 6

Москва
2005

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

<i>В.О. Лобовиков</i> Этика и логика (Этическая логика и логическая этика – взаимодополняющие научные направления)	3
<i>Л.В. Максимов</i> Квазиобъективность моральных ценностей	27

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>А.В. Смирнов</i> Мусульманская этика как система	51
<i>П.А. Гаджикурбанова</i> Стоическая теория аффектов	76

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

<i>С.Н. Земляной</i> Философские заметки к проблеме несвободы	90
<i>А.В. Прокофьев</i> Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и ее альтернативы)	140

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

<i>О.В. Артемьева</i> У истоков современной этики добродетели	163
<i>Н.Л. Соколова</i> Этическая проблематика в современных концепциях «эстетической жизни»	182

ИСТОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ

<i>Р.Г. Апресян</i> Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху»	201
<i>О.П. Зубец</i> Ценностное граничепологание и мораль	219

ДИСКУССИЯ

<i>А.Н. Бобков</i> Проблема обоснования морали	239
<i>Л.В. Максимов</i> Обоснование морали: к статье А.Н.Бобкова	255
Об авторах	262

ИСТОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Р.Г. Апресян

Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху»*

Моим друзьям Лиле и Курту

«В нашу эпоху под давлением женской сексуальной эмансипации и автономии идеалы романтической любви имеют тенденцию к фрагментации», – этими словами Э.Гидденс начинает в своей книге «Трансформация интимности» параграф, посвященный различиям между романтической любовью и тем новым типом любви, который он назвал «*конфлюентной любовью*» (confulent love)¹. Вытеснение романтической любви любовью конфлюентной – это лишь одно в ряду различных проявлений трансформации интимности, которую Гидденс обнаруживает в «постмодернном» обществе. Но именно «интервенция» Гидденса с концептом «конфлюентная любовь» произвела впечатление на интеллектуальное сообщество и сразу вывела книгу «Трансформация интимности» на видные места в индексах цитируемости. Особую убедительность и привлекательность концепции Гидденса придало то, что, во-первых, она изящно встраивалась в его общую социологическую теорию – через концепцию «чистых отношений»², и, во-вторых, она воспринималась прямо корреспондирующей с очевидными эмпирическими данными живых амурно-эротических практик. Выявленные и описанные Гидденсом перемены в амурно-эротических нравах, несомненно, интересны. Но насколько точно связывать их с истлением романтической любви?

Вопрос этот не прост. Ведь исследование Гидденса появилось не на пустом месте. И хотя он сам в своей книге не вступает в полемику относительно именно романтической любви, в гуманитарных иссле-

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, проект № 04-03-00177а.

дованиях на Западе на протяжении последних более пятидесяти лет она является предметом постоянного внимания. На фоне внутренне разношерстного, но тем не менее значительного корпуса социологических и психологических работ³ особенно выделяется небольшое исследование Р.Джонсона⁴. Опираясь на предание о трагической любви Тристана и Изольды, Джонсон реконструирует феномен романтической любви в качестве основополагающего элемента западной культуры и ментальности, современной, т.е. «современной», «новой» западной культуры. Джонсон не просто связывает романтическую любовь и западную культуру он представляет романтическую любовь как эмоциональный и коммуникативный ответ на глубинные потребности бессознательного. Последнее делает критическим сомнение в правдоподобности гиденсовского вывода о перемене в амурно-эротических нравах.

Увидевшие свет с разрывом в десять лет и никак не референтные друг другу, обе работы «вызывающи» друг по отношению к другу, одновременно дополняют и исключают друг друга. Некоторым ключевым моментам этого неявного состязания посвящена данная статья.

Перемена

В чем Гидденс усматривает суть перемены в амурно-эротических нравах? Надо отметить, что при описании перемены и, в особенности, феномена романтической любви Гидденс не совсем определен. В случае конфлюентной любви он говорит именно о нравах; а при анализе романтической любви он говорит чаще всего об *идеале*, что можно считать данью традиции, но иногда говорит и об *этосе* романтической любви. Понятно, что этос можно трактовать по-разному, и не у всех авторов этос — это нравы (как в общем утвердилось в нашей литературе последних двух-трех десятилетий). Скажем, по Шелеру, этос индивида, исторической эпохи, семьи, народа или любого социо-исторического единства — это система оценок, выражающаяся главным образом в том, что предпочитается и что отвергается, или в «порядке любви и ненависти»⁵. Это — не нравы, но то, что осуществляется в нравах, а также искажается и выправляется в нравах. Но это и не идеал, а то, что, возможно, отражает в себе идеал, в чем искажается и выправляется идеал. У Гидденса романтический этос можно понимать как систему оценок и ценностей, относительно любви и человеческих взаимоотношений, но, вместе с тем, это оценки, непосредственно воплощенные в поступках, это ценности, опосредствованные поведением.

Такое понимание романтического этоса естественно, коль скоро Гидденс сопоставляет с ним конфлюентную любовь. Рефлексивная заминка, которая здесь возникает у обозревателя или аналитика, вызвана тем, что сама романтическая любовь нередко трактуется и специалистами-интеллектуалами, и влюбленными (точнее опытными и *мыслящими* влюбленными – эротософами) как возвышенное переживание, упование, иллюзия (психотерапевты даже склонны цинично говорить о «не очень грубом, но все же психопатологическом расстройстве»⁶), как идеал, который, будучи примененный к практическим отношениям, не выдерживает испытания реальностью. Но вместе с тем романтическая любовь даже и как идеал является вполне реальным культурным и психическим феноменом, воплощенным в широком комплексе мотивов, установок, ожиданий, жестов, речевых фигур, этикетных клише и т.п., что позволяет рассматривать ее и под углом зрения определенных амурно-эротических нравов. Конфлюентная же любовь – это концепт, который Гидденс вводит для обозначения только нравов, и об идеале речь здесь не заходит совсем.

В целом идея Гидденса заключается в том, что романтическая любовь представляет собой культурно и исторически обусловленный тип интимности. Она зарождается в определенный момент истории западного мира в не столь отдаленном прошлом, а именно в конце XVIII века и фактически приходит на смену тому типу любви, который можно назвать любовью-страстью⁷. Романтическая любовь вбирает в себя и переплавляет в себе идеалы христианской любви и страстной любви. Ею преодолевается страстная любовь. Однако каковы ее отношения с христианской любовью-милосердием, Гидденс не говорит.

Нельзя исключить, что атрибутирование Гидденсом романтической любви концу XVIII века предопределено всего лишь ассоциацией романтической любви с романтизмом как течением в литературе. Конечно, романтизм подарил западному миру свое особое переживание любви. Благодаря романтизму, как верно отмечает Гидденс, в индивидуальную жизнь была привнесена повествовательность, существенно расширившая рефлексивность возвышенной любви; да и сама повествовательность стала индивидуализированной, безотносительной к социальному контексту⁸. Однако из этого не следует, что романтическая любовь – это продукт романтизма, как и то, что возникновение идеала романтической любви совпадает с возникновением жанра современного романа. Даже принимая во внимание, что именно в литературе романтиков романтическая любовь впервые получила рефлексивно развернутое и наиболее полное реалистическое отражение, идеал романтической любви следует отличать от идеала любви в романтизме⁹.

Какова страстная любовь, по Гидденсу? В описании ее Гидденс опирается на Ф.Альберони и воспроизводит те характеристики, которые тот выделяет, говоря о любви-влюбленности¹⁰. Она: а) эмоционально доминантна (мир для влюбленных преобразуется), б) нонконформна (влюбленные готовы нарушить существующие установления), в) автономна (влюбленные готовы отказаться от принятых или наложенных прежде обязательств). Альберони описывает через эти характеристики любовь референтно опыту Абельяра и Элоизы, Ромео и Джульетты. Близкие же характеристики выделяет и Р.Джонсон, подробно анализируя предание о Тристане и Изольде, т.е. тот тип отношений, который воспроизводится и у названных двух пар. Однако Джонсон усматривает в этом предании исток именно романтической любви. Страстная любовь раскрепощающа, освободительна. Но так она обнаруживается сама собой, стихийно; от любви-страсти не ждут автономии, и не этим она значима.

Феноменологически романтическая любовь в описании Гидденса близка любви-страсти. Она также несет с собой свободу в смысле раскрепощения и независимости. Она несет с собой автономию в смысле избавления от общепринятых установлений и утверждения собственного закона — закона любви. Однако в отличие от любви-страсти романтическая любовь, говорит Гидденс, и в этом своем замечании он, несомненно, оригинален, утверждает себя с самого начала в непосредственной связи со свободой. Идеал романтической любви включает в себя *свободу* как непреходящий и существенный компонент. Романтическая любовь воспринимается не просто как проявление и продолжение чувственного влечения; ведь «включая в себя сексуальность, она порывает с ней»¹¹. Она не оказывается — она конституируется в качестве возможности и способа личной самореализации. В этом смысле романтическая любовь — очевидно культурный феномен.

Романтическая любовь — это любовь *возвышенная*. Сами по себе приближенность, эмоциональная связь или соединенность в романтической любви доминируют над сексуальным влечением, а нередко сексуальность вообще теряет значимость для влюбленных. Возвышенность романтической любви выражается не только в ее «свободе» от сексуальности, а также иных материальных и земных мотивов, от биологических и социальных факторов (чем долгое время безусловно характеризовался, да и в наше время зачастую характеризуется брак), но и в том, что это — *идеализирующая* любовь. В романтической любви возлюбленная(ый) выделяется как особая и ни с кем не сравнимая личность. Романтическая любовь — *исключитель-*

на; в ней возлюбленная(ый) воспринимается как неповторимая личность, значимая для влюбленного(ой) сама по себе, и она как бы обретается на всю жизнь.

С этим связано и то, что в рамках романтической любви преобразуется представление о *добродетели*, т.е. о благом в человеке. Это более не «невинность», говорит Гидденс. Это, можно добавить, более не добропорядочность, правильность или верность общественным установлениям. Добродетели возлюбленного(ой) – это такие его (ее) свойства, которые делают его (ее) *особенным(ой)*.

Романтическая любовь, как обычно считается, может возникать и «с первого взгляда», однако следует отчетливо различать этот отклик романтической любви на «первый взгляд» от внутренней принудительности сексуально-эротического влечения в страстной любви. «“Первый взгляд” это коммуникативный жест, интуитивное схватывание качеств другого. Это влечение к другому, который может сделать мою жизнь... “полной”»¹². Точной иллюстрацией этого тезиса Гидденса относительно романтической любви может служить текст популярной песни «Strangers in the night»: ночные прохожие приглаждаются друг к другу, ловят взгляды в надежде успеть подцепить, как обычно, кого-нибудь до исхода ночи; но вот всего лишь случайный взгляд, встречная улыбка, один-единственный танец, и – любовь на всю жизнь. И тем не менее это не случайность. Сама идея романтической любви, идея «романа» принадлежит своему времени, т.е. по Гидденсу, Новому времени. Как и в предшествующую эпоху, любовь могла восприниматься как выражение судьбы, но в качестве романа она стала открытой будущему, более того, она стала возможным средством контроля за будущим и психологической защиты для тех, кто оказался вовлеченным в ее орбиту.

Романтическая любовь *феминизирована*. В «романе» любовь феминизирована не столько в том смысле, что оказалась доступной и женщинам или признана и у женщин, но в том, что идеал романтической любви соединяется с формами жизни, традиционно ассоциирующимися с женскими социальными ролями, с женским предназначением. На поле брака романтическая любовь противопоставляется *любви-партнерству* (companionate love) как отношениям, при которых супруги принимают на себя обязанности взаимопомощи в домохозяйстве. Романтический идеал возложил на женщину особую роль хранительницы любви в семье. Это по-прежнему обособляло ее от общества, но тем не менее давало ей особую власть в семье, а тем самым и автономию. Так говорит Гидденс¹³, и он никак не разъясняет этот свой тезис. В частности, не проясняется специфичность в этом

отношении романтической любви от любви-партнерства. Также не разьясненным остается замечание, само по себе любопытное, относительно того, что на фоне матримониально-феминизированной легитимации любви мужчинам (имеется в виду женатым мужчинам), хотя и цинично относящимся к романтическим отношениям, приходится выбирать между домашним уютом, с одной стороны, и сексом с любовницей или шлюхой, с другой.

Непроясненность касается не только отдельных положений. Гидденсу трудно выдержать последовательность в своем рассуждении о любви, поскольку его интересуют перемены, происходящие с интимностью. Он где-то замечает, то ли с легкой досадой, то ли с удивлением, что при работе над книгой не раз ловил себя на том, что, намереваясь говорить об интимности, он сбивался на любовь и сексуальность, а говоря о любви, не мог обойти темы брака и гендера. Разумеется, такой широкий подход в рассуждении о любви предполагал не только типологически дифференцированное рассмотрение любви, но и учет различий в проявлениях той же романтической любви в отношениях между юными влюбленными, любовниками-либертенами и теми, чья любовь осенена (закреплена, обременена) узами брака.

Гидденсу как амурологическому философу, несомненно, принадлежит заслуга тонкого (хотя и не радикального, и не во всем последовательного) различения любви-страсти и романтической любви. Насколько глубокий анализ романтической любви проводит в упомянутой книге Р.Джонсон, — однако он не разделяет романтическую и страстную любовь, более того, представляя романтическую любовь в различных ее проявлениях, порой сводит ее именно к любви-страсти. Так же и Ф.Альберони не обращает внимания на то, что в своем общем рассуждении о любви он затрагивает не только разные стадии и разные аспекты любовных переживаний, но и разные по своим типам любовные переживания. И Э.Фромм, и К.С.Льюис при общей теоретической основательности представления феномена любви в его разнообразии, внутренне не дифференцируют чувственную любовь. Известный в советской амурологии автор Ю.Б.Рюриков пытается разделить романтическую любовь и любовь-страсть¹⁴, но хотя он приводит в своей книге феноменологически чрезвычайно точные описания романтической любви и любви-страсти, для него это лишь психологические разновидности любви, и основное различие между ними — в силе эмоционального накала. При этом Рюриков, описывая именно романтическую любовь, легко может обронить: «романтическая любовь-страсть»¹⁵. Усматривая основы романтической любви в рыцарской любви и пылком темпераменте, Рюриков связывает

любовь-страсть с развитием и культурным переосмыслением последнего. Если по Гидденсу романтическая любовь в культурно-историческом плане представляет собой более поздний феномен, чем любовь-страсть, то по Рюрикову, наоборот, любовь-страсть формируется в результате развития черт, известных благодаря романтической любви.

Дело не в том, что один автор прав, а другой не очень. Культурно-историческая атрибуция зависит от понимания сущности любви, в частности романтической любви, и от ее родовой спецификации. Гидденс убедительнее, поскольку вводимые им различия концептуальны. Истолкование романтической любви как феномена, посредством которого получает развитие и возвышение любовь-страсть, ее качественное изменение сразу в нескольких измерениях: ценностном, коммуникативном, личностно-идентификационном и т.п., — представляют романтическую любовь более зрелой по сравнению с любовью-страстью и в этом смысле эволюционно более поздним феноменом.

В целом же следует признать, что дистинкции между романтической любовью и любовью-страстью на уровне непосредственного чувственного опыта, «психологии» отношений, эмпирических данных устанавливаются и поддерживаются с трудом. Этим и обусловлены как невнимание к ним со стороны ряда исследователей, так и непоследовательность в их проведении авторами, которые их признают, причем весьма серьезно (как, например, Гидденс). Различия между романтической любовью и любовью-страстью полнее обнаруживаются на уровне ценностно-ориентированной рефлексии, в результате усилий понять кризисы конкретных опытов любви и, конечно, на основе концептуальной обоснованности данного различия. Правда, только полнее, но отнюдь не сполна.

Между тем для Гидденса важно показать, что хотя романтическая любовь исторически вырастает из страстной любви, ее отличает от последней ряд существенных черт. Она рефлексивна, и романтическая рефлексия связана с постижением «основоположений» личных взаимоотношений. Романтическая любовь ориентируется на дальнюю жизненную перспективу и полна экзистенциальных ожиданий. В романтической любви возлюбленный(ая) не столько завоевывается, сколько его (ее) сердце пленяется. Завоевание здесь тоже имеет место. Но это не агрессия, не экспансия, а результат поиска, некоей «одиссеи», в которой «личная идентичность ожидает своего подтверждения через открытие другого»¹⁶. В романтической любви воплощается та характеристика любви, которую дает в платоновском «Пире» Павсаний: любовь — это жажда целостности и стремление к ней¹⁷. Сами по себе романтические чувства предполагают взаимную

опосредствованность любящих, которые благодаря своей любви по-новому переживают и осмысливают свою жизнь, реконструируют ее¹⁸ и иначе как через эту любовь уже не могут ее представить.

И вот этот идеал любви на протяжении последней четверти XX века отступает на периферию человеческих отношений под натиском иного амурно-эротического этоса — того, что Гидденс называет конфлюентной любовью.

Прежде чем представить феноменологию конфлюентной любви по Гидденсу, надо заметить, что Гидденс прибегает к различным методам для реконструкции романтической любви и конфлюентной любви. В случае романтической любви источниками его обобщений послужили амурологические исследования и, как это можно обнаружить, хотя прямо об этом не говорится, популярные любовные романы. Строго говоря, конфлюентная любовь не реконструируется, а конструируется. И в качестве основы этого конструирования Гидденс взял материалы психологических исследований аттитюдов, ценностей и сексуального поведения американских подростков различного происхождения и женщин разного возраста, проведенных в конце 1980-х годов. Несопоставимость эмпирической базы для обобщений относительно романтической любви и конфлюентной любви не могла не сказаться на качестве этих обобщений¹⁹.

Какова же конфлюентная любовь? Как следует из описания Гидденса, конфлюентная любовь — это один из эффектов той сексуальной революции, которая произошла в западном мире. Именно в западном обществе возникли те социальные условия, которые сделали возможным радикальную смену этоса сексуальной жизни. Сексуальная революция оказалась возможной благодаря тому, что сексуальность децентрировалась; она высвободилась (разумеется, в первую очередь, у женщин) из-под зависимости от репродуктивной функции; а репродуктивная функция человека социализировалась и получила технологическое обеспечение. Сексуальность освободилась от доминирования мужского начала; благодаря чему сексуальные практики смогли окончательно распространиться за матримониальные рамки. Сексуальность перестала быть исключительно родовым атрибутом человека. Наоборот, у личности появилась возможность индивидуализироваться посредством сексуальности, подтверждать и осуществлять в сексуальном поведении свою личную идентичность. Реально произошла массовая плюрализация сексуальных практик, причем не только в традиционных сексуальных отношениях. Наряду с эгалитаризацией женских и мужских ролей в интимных отношениях постепенно оказался преодоленным стереотип гетеросексуальности и ген-

дерной дифференцированности в восприятии интимных отношений. Хотя апологеты гомосексуальности и говорят о стабильном во все времена проценте (11%) нетрадиционно ориентированных в сексе мужчин и женщин, многие социологи указывают не только на несомненную активизацию гей-культуры, но и пропорциональное разрастание количества тех, кто к ней принадлежит или разделяет ее ценности. Распространение гомосексуальности рассматривается как одно из выражений сексуальной революции и следствий разделения практик сексуальности и репродукции. Следует отметить, что растущее разнообразие сексуальных практик встречает все возрастающую толерантность в современных обществах. Эти перемены в сексуальном опыте, выразившиеся в новом качестве сексуальности, Гидденс обозначает с помощью понятия «пластичная сексуальность», имея в виду, что мы имеем теперь дело с гибкой, мягкой, не фиксированной, изменяющейся в своей направленности и формах проявления сексуальностью.

В этом контексте и появляется конфлюэнтная любовь. В эпоху «после сексуальной революции» любовные чувства и отношения меняются. У Гидденса можно выделить следующие характеристики конфлюэнтной любви. *Первое*, сексуальность становится непременным и основным компонентом любовных отношений. *Второе*, ценным в любви оказывается не объект любви, который не воспринимается более в качестве неповторимого, единственного и в идеале обретенного навсегда, а сами отношения как факт здесь-и-сейчас осуществляющейся жизни. *Третье*, это — текучая, преходящая любовь. Уже введя понятие пластичной сексуальности, Гидденс как бы лексически подготавливает предстоящее предложение термина для обозначения нового типа любви. Он говорит, что пластичная сексуальность оказывается *free-floating*, т.е. свободно плавающей, колеблющейся, изменчивой, текучей. В другом месте он говорит о том, что влюбленные девушки нового поколения легко (*fluent*) повествуют о своих переживаниях и отношениях с возлюбленными (юношами или девушками). Таков и новый тип любви. Эта любовь — *confluent*, т.е. текучая, преходящая²⁰. Характерно, что З.Бауман, другой известный английский социолог, пишущий на темы, близкие тем, что развивает Гидденс, говорит о *liquid love*²¹, прибегая к лексеме семантически близкой лексеме «*confluent*».

Характерным признаком конфлюэнтной любви является, по Гидденсу, и то, что, *четвертое*, она является одним из воплощений «чистых отношений» (*pure relationship*). Как выше отмечалось, Гидденс предложил это понятие ранее в книге «Модерн и самоидентичность».

С помощью этого понятия Гидденс указывает на качественно особый тип *социальных* отношений, которые по сути своей обусловлены не институциональными или функциональными потребностями (требованиями, ожиданиями), а ценностью отношения самого по себе²².

В комплексе характеристик, отличающих конфлюентную любовь от романтической, существенно, что, *пятое*, взаимное сексуальное удовлетворение становится неременным условием успешности любовного союза; *шестое*, его продолжительность определяется лишь готовностью тех, кто его создал, поддерживать его; ничто, кроме влечения и желания партнеров, не обеспечивает его прочность.

К этому остается добавить, что, *седьмое*, конфлюентная любовь не непременно моногамна и не обязательно гетеросексуальна²³. Более того, как можно понять из рассуждений Гидденса, именно в до- и внебрачных и в еще большей степени гомосексуальных отношениях в той мере, в какой они вышли из подполья и постепенно стали частью легитимной сексуальной практики общества, и сформировался стандарт конфлюентной любви (конечно, не всегда осознаваемый теми, кто его реализует, и, как правило, не воспринимаемый ими как имеющее значения для тех отношений, в которые они включены).

Смысл и подтексты романтической любви

Утекает ли романтическая любовь из современной (западной) культуры с возникновением и развитием нового типа интимности, в частности выраженного в конфлюентной любви. Однозначного ответа на этот вопрос Гидденс не дает и не может дать в силу того, что было сказано выше о методологических особенностях его анализа романтической любви и конфлюентной любви и характере используемого им материала.

Думаю, здесь возможны разные ответы в зависимости от понимания природы романтической любви и любви вообще. Ведь перемена в амурно-эротическом поведении оказывается для Гидденса возможной постольку, поскольку он рассматривает это поведение организованным и выстроенным в соответствии с определенными социально-культурными моделями, обусловленными эпохой и являющимися предметом своего рода общественного соглашения. Но о чем говорит Гидденс — о социально-культурно обусловленных видах любви или различных стратегиях поведения в условиях любви или по поводу любви?

На концепцию Гидденса интересно посмотреть с позиции Р.Джонсона, осуществившего специальное исследование психологии романтической любви²⁴. Р.Джонсон — юнгианец, и его концепция романтической любви, которую он разворачивает в процессе подробного психоаналитического и вместе с тем культурологического и аксиологического анализа поэмы «Тристан и Изольда», в своей основе покоится на психологической теории К.Юнга (как она развита, в частности, в «Айоне»²⁵). Оставаясь юнгианцем в трактовке личности, выводя из теории личности концепцию романтической любви и реконструируя в связи с этим наличие двух моралей — морали романтической любви и морали «обычной жизни» (т.е. жизни в заботе, преданности, выполнении принятых обязательств), Джонсон одновременно предлагает некую этику любви, альтернативную романтической любви, и, кажется, здесь психолог-юнгианец отступает в тень, а на первом плане остается социально обеспокоенный моралист.

Романтическая любовь, по Джонсону, — двойственный феномен: это — «греховная смесь двух воплощений святой любви. Одна из них «божественная» любовь... Другая — это «земная» любовь...»²⁶. Сама по себе такая характеристика романтической любви представляет большой интерес. Джонсон нигде не ссылается на платоновскую традицию в понимании любви, он ограничивается ссылками на манихейски-альбигойский и христианский дуализм. Однако внутренняя релевантность даваемого им определения романтической любви основополагающей тенденции в классической философии любви, берущей начало от Платона и утверждающей противоположность небесной и земной любви, не вызывает сомнений. Понимание Джонсоном любви прямо оппозиционно классическому. Выделяя в романтической любви две составляющие, он призывает западное сознание отказаться, наконец, от устремленности в любви лишь к возвышенному, божественному, иллюзорному, обусловленному упованиями бессознательной части души, и поверить в земную, человеческую любовь, попытаться именно в ней найти свое счастье. Джонсон не отвергает напрочь возвышенную составляющую любви. Но он твердо уверен, и пытается это ясно показать, что именно из-за устремленности к возвышенному (а на самом деле к иллюзорному), при игнорировании в человеческих отношениях *обычных* чувств, привязанностей, реальной заботы, ответственности, столь хрупкими оказываются любовные и брачные союзы, которые сохраняются ровно столько, сколько продолжается *роман*.

Этот радикальный поворот в интерпретации древней антитезы небесной и земной любви должен был бы стать предметом специального анализа. К сожалению, в своей необходимой полноте он пред-

метно не вмещается в тематику настоящей статьи. Но, имея в виду именно эту тематику, отмечу ряд любопытных моментов. Классическое противопоставление небесной и земной любви покоилось, в частности, на том, что земная любовь признавалась себялюбивой, а небесная — такой, посредством которой человек обретал возможность трансцендирования, причем в пределе — универсально. Джонсон, говоря о переплетении в романтической любви небесного и земного, меняет саму схему рассуждения. Небесная любовь — это любовь к Богу, и она прекрасна; земная любовь — это любовь к человеку, и эта любовь священна. В романтической любви происходит абберрация и одного, и другого: в любви к человеку осуществляется пафос любви к Богу. Предмет любви как бы обожествляется, не имея для этого никаких оснований, более того, не имея к этому никакого отношения. Отсюда глубокие разочарования романтической любви — разочарования, которые нередко не имеют предпосылок в самих отношениях любящих. В обожествлении возлюбленной(ого) проявляется проекция влюбленным(ой) своего бессознательного на возлюбленную(ого). Строго говоря, в такой, обожествляющей, любви нет возлюбленной(ого) как живой, индивидуальной личности. В такой любви прорывается собственное внутреннее упование влюбленного(ой), персонифицируется собственная страсть. Романтическая любовь (добавлю все же: в своих предельных выражениях) возвышающая и идеалистична. Однако она идеалистична порой в худшем смысле этого слова: она навязывает другой личности субъективный идеал, в «проекции внутренних богов на простых смертных»²⁷ теряются сами смертные. Таким образом, романтическая любовь оборачивается, по Джонсону, эгоизмом. Обобщая свой анализ легенды, он констатирует, что романтическая любовь «заключена в эгоизме Тристана и Изольды, в использовании партнера для разжигания своей страсти, для собственного удовольствия»²⁸. И это уже приговор романтической любви.

Не думаю, что его надо принимать безусловно. Как двойственна у Джонсона романтическая любовь, так и двойствен, т.е. неоднозначен его анализ романтической любви. На глазах читателя предмет его анализа расслаивается, «плывет», смещается. Концепт «романтическая любовь» оказывается не до конца концептуализированным, слишком широким, охватывающим различные феномены любовного опыта, не отражающим дифференцированности различных аспектов любовного переживания и любовного отношения. Так, все время говоря о романтической *любви*, Джонсон, обращаясь к любви земной, вдруг разворачивает свое рассуждение таким образом, что оказывается, что романтическая — это не любовь, а *влюбленность*. Любовь — это зем-

ная любовь. Но влюбленность — это проекция бессознательного на объект любви. Объяснения этого обстоятельства исследования Джонсона могут быть разными, но к предмету исследования и к его выводам они отношения не имеют.

Этическое противопоставление Джонсоном земной любви — любви романтической представляется созвучным тому, что спустя почти десять лет Гидденс как бы социологически опишет как вытеснение идеала романтической любви конфлюентной любовью.

Однако панегирик Джонсона земной любви, которым завершается его книга, как и концепция конфлюентной любви Гидденса, не вписываются в те рамки, которые задаются *психологией романтической любви*, которую Джонсон и стремится, как видно из оригинального английского названия книги, понять.

Приступая к анализу, Джонсон оговаривается, что романтическая любовь — это никакая не любовь, это «комплекс установок в отношении любви: переплетение чувств, идеалов и реакций»²⁹. Однако, обозначив таким образом свою позицию, Джонсон не находит лучшего обозначения для исследуемого им феномена как именно «романтическая любовь». Исторически она возникает как антипод патриархального отношения к женщине. В романтической любви как любви возвышенной влюбленные не вступают в сексуальные отношения, постоянно поддерживая и распалая в себе страсть. Они не вступают и в брак. И даже вступая в сексуальные отношения, они стремятся одухотворить свою страсть. И одухотворенность, или возвышенность взаимного влечения, оказывается для влюбленных важнее чувственного наслаждения, которым опосредствована любовь между мужчиной и женщиной. Причем эти отношения не обусловлены субъективными мотивами и в общем не являются предметом сознательного выбора.

Романтическая любовь — неуправляема, она мистериальна. И в этом Джонсон обнаруживает ключ к ее разгадке. Источник романтической любви, говорит он, в глубинных уровнях бессознательного. «Каждое человеческое существо появляется на свет с врожденным психологическим стремлением найти смысл жизни, испытать ощущение единства»³⁰. Именно это стремление составляет корни религиозных потребностей человека. Оно же лежит в основе романтической любви. В этом смысле романтическая любовь родственна скорее религиозному воодушевлению, нежели иным формам общения, той же «обычной человеческой любви», супружеской любви или даже стабильному либертинажу. Для Джонсона вино из трав — любовное зелье, случайно выпив которое, Тристан и Изольда преобразились и

вдруг увидели друг друга совершенно в новом свете. Такое преобразование символично для романтической любви: «Частично это вино и травы имеют земную природу, символизирующую обычную человеческую сторону романтической любви. Но вторая половина зелья — это магические заклинания и колдовство»³¹. Платон, Аристотель, Цицерон и другие классические авторы, описывая любовь, подчеркивали, что стремление оказаться в обществе возлюбленного(ой), соединиться с возлюбленным(ой) является существенным признаком любви. В наше время эта сторона любви получила развитие у Д. фон Гильдебранда в концепции *intentio unionis* (установки на единение)³². Стремление к единению, несомненно, является одной из важнейших свойств, присущих любви. Но только не романтической любви, по крайней мере как ее представляет Джонсон.

Один из парадоксов, присущий романтической любви (самим Джонсоном не проговариваемый, в отличие от ряда других, отмечаемых им, парадоксов), состоит в том, что романтическая любовь не ожидает непременно фактической соединенности, она вполне может довольствоваться самой по себе возможностью, пусть лишь принципиальной, такого соединения. Уже это позволяет влюбленному чувствовать ощущение целостности. «Как только мы влюбляемся, мы получаем ощущение полноты, как если бы к нам вернулась отсутствующая часть нас...»³³. То, что мужчина видит в своей возлюбленной, «заставляет его чувствовать свою окончательную реализацию, что он постиг подлинный смысл жизни»³⁴. Это ощущение целостности предзадано врожденной потребностью в ней.

Врожденное стремление к целостности никак не объясняется, но только постулируется. Джонсон говорит, опираясь на Юнга, что через романтическую любовь в жизнь человека вторгается мир сверхъестественный, но психология этого вторжения описывается лишь феноменологически, — ни онтологического, ни антропологического обоснования это положение не получает. Думаю, Фромм в этом отношении более вразумителен и убедителен, хотя в целом его психология личности проще Юнговой. Фромм рассматривал любовь как один из путей, причем наиболее эффективный и адекватный, преодоления одиночества. Человек избирает этот путь, реализуя экзистенциальные потребности своего существования — потребности, вытекающие из антропологических особенностей его становления и развития. Фромм выделяет несколько таких особенностей, но главным является то, что человек (как родовое существо) — это существо, выпавшее из природы и находящееся в ней. В этом — суть эволюции: человек утрачивает первоначальную родину — природу. Так же чело-

веческий плод выбирается из лона матери и становится младенцем. Одна из важнейших экзистенциальных потребностей человека — потребность в единении. Как обладающий разумом человек осознает свою обособленность и одиночество. «Необходимость единения с другими живыми существами, приобщенности к ним является настоятельной потребностью, от удовлетворения которой зависит психическое здоровье человека»³⁵. Выражением этой потребности и является любовь.

Заслуживает внимания, что Фромм говорит о чувственной любви вообще; для него не существует романтическая любовь как одно из выражений чувственной, половой любви. У Джонсона же мы не находим ответа на вопрос, каковы источники земной любви, имеются ли у земной любви внутренние психологические и тем более трансцендентные предпосылки. Внутри психоаналитического амурологического дискурса это имеет существенное значение. Однако в сопоставлении психоаналитических мыслителей с социологом Гидденсом это существующее между ними отличие отступает на второй план. Главным оказывается то, что чувственная любовь предопределена экзистенциально, особенностями существования человека, независимо от социально-культурных условий его жизни, его амурно-эротического опыта. Если так, то романтическая любовь неизбежна. Концепции Гидденса и Джонсона оказываются разведенными напрочь.

Но возможен и другой взгляд, а именно, что экзистенциальная потребность в любви разрешается различным образом в разных социально-культурных условиях: в одних — в виде романтической любви, в других — в виде конфлюентной любви. И всегда чувственная любовь в духовном плане отвечает потребности человека преодолеть внутреннее одиночество. При таком подходе концепции Гидденса и Джонсона могут оказаться взаимно дополнительными. Концепция Гидденса нуждается в психологическом прояснении любви. Фактически показывая, что любовь вытесняется из любви, уступая место эротике, он не задается вопросом, почему же *это* сохраняет название любви и что заставляет молодых людей, вроде свободных от романтических предрассудков, не просто соединяться, но посвящать себя друг другу, пусть и кратковременно, в преходящих отношениях интимности. Концепции Джонсона не хватает социологических экспликаций; у него немало высказываний относительно характера современного западного человека (в первую очередь, мужчины) и современной европейской коммуникативной культуры, однако в целом он ничего не говорит о современной амурной, амурно-эротической практике.

Понятно, что сами Гидденс и Джонсон не нуждаются в подобных дополнениях, однако понятно и то, что стоит только признать чуть более пространным амурологическое дискурсивное пространство, как каждый из них сам по себе предстанет не-договорившим, не-прояс- нившим себя и потому сохраняющим внутренние противоречия; впро- чем, благодатные для следующих за ними исследователей.

Примечания

- ¹ Giddens A. *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies*. Stanford, 1992. P. 61. Эта книга переведена на русский язык (в пер. В.Анурина. СПб., 2004), но по ряду причин, изложенных мной в рецензии в «Вопросах философии» (2005. № 2. С. 187–189), я буду пользоваться оригинальным изданием.
- ² См. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge, 1991. P. 89–97.
- ³ См., например (в порядке выхода в свет), Rougemont D. de. *The Crisis of the Modern Couple // Family, Function, and Destiny* / Ed. R.N.Anshen. N. Y., 1949; Biegel H.G. *Romantic Love // American Sociological Review*. 1951. Vol. 16, № 3; Wilkinson M.L. *Romantic Love and Sexual Expression // The Family Coordinator*, 1978. Vol. 27, № 2; Critelli J.W., Myers, E.J., Loos, V.E. *The Components of Love: Romantic Attraction and Sex Role Orientation // Journal of Personality*. 1986. Vol. 54, № 2; Marston P.J., Hecht M.L., Roberts T. “True Love Ways”: The Subjective Experience and Communication of Romantic Love // *Journal of Social and Personal Relationships*, 1987. Vol. 4, № 4; Kanekar S. *Toward a scientific understanding of romantic love // Science progress*, 1989. Vol. 73, № 4; Simon R.W., Edder D., Evans C. *The Development of Feeling Norms Underlying Romantic Love Among Adolescent Females // Social Psychology Quarterly*, 1992. Vol. 55, № 1.
- ⁴ Джонсон Р. *Мы: Источник и предназначение романтической любви* /Пер. В.К.Мершавки. М., 1998.
- ⁵ Шелер М. *Ordo Amoris // Шелер М. Избр. произведения*. М., 1994. С. 341.
- ⁶ Полев А. *Свет и тени романтической любви // Follow.ru: Познай себя и окружающих*. — <http://www.follow.ru/article/123>.
- ⁷ Гидденс использует здесь французское выражение «*passion amour*», заимствованное у Стендаля (См. *Стендаль А. О любви // Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. М., 1970*), хотя при этом он специально оговаривает, что понимает страстную любовь иначе, чем понимал ее Стендаль.
- ⁸ Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. P. 39–40.
- ⁹ См.: Семенов Л.Е. *Любовь в эстетике раннего романтизма: романтический идеал в контексте культурно-исторического развития // Романтизм: грани и судьбы* /Под науч. ред. И.В.Карташовой. Тверь, 1998.
- ¹⁰ См. гл. 3 в очерке «Любовь» в издании: Альберони Ф. *Дружба и любовь*. М., 1991. С. 192–198.
- ¹¹ Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. P. 40.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid. P. 43.
- ¹⁴ Рюриков Ю.Б. *Мед и яд любви*. М., 1990. С. 335–342.

- ¹⁵ Рюриков Ю.Б. Мед и яд любви. М., 1990. С. 339.
- ¹⁶ Op. cit. P. 45.
- ¹⁷ Платон. Пир 193а // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 121. Платон как будто бы не существует для Гидденса (или в самом деле не существует), однако это непростое совпадение одной из ключевых характеристик романтической любви с одним из платоновских определений любви в любом случае нуждается в объяснении.
- ¹⁸ В дни, когда писались эти страницы, у меня случился разговор с одной моей давнишней приятельницей, переживавшей третью молодость благодаря новой любви, случайно обретенной через знакомство и довольно продолжительное общение посредством Интернета. Говоря о чувствах своего будущего мужа, она обронила: «романтические». Я не мог не попросить пояснить мне, как она понимает романтическую любовь. На минуту задумавшись, она сказала: «Когда двое пишут из своей жизни роман». Я точно знаю, что моя приятельница даже не слышала о Гидденсе.
- ¹⁹ Не говорю о том, что 150 интервью с молодыми людьми и 75 интервью с людьми старшего возраста может быть достаточно для установления тенденций в развитии нравов, но это количество не репрезентативно для конкретно-социальных обобщений. Другой вопрос, что апеллируя, без особых оговорок, к психологическим данным, Гидденс, который хорошо известен читающей публике именно как социолог, в общем-то морочит голову тем читателям, которые воспринимают его книгу как книгу социолога.
- ²⁰ Как я уже указывал в другом месте, я не согласен с переводом термина «confluent love» выражением «любовь-слияние». Это романтическая любовь — «любовь-слияние», а конфлюэнтная любовь — это любовь-перетекание: и слияние, и растекание. В слове «слияние» слышится завершенность и не слышится текучести. А Гидденс говорит именно о текучести, подвижности, невечности, преходящести нового типа любви. Поэтому я не нахожу другого выхода для терминологического закрепления этого понятия, как заимствование английского слова, подобранного Гидденсом и создание русской кальки: «конфлюэнтная любовь».
- ²¹ Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge, 2002.
- ²² Giddens A. Op. cit. P. 58.
- ²³ Giddens A. Op. cit. P. 61–64.
- ²⁴ Johnson R. We: Understanding the Psychology of Romantic Love. San Francisco (CA), 1983. Название книги в русском переводе — «Мы: источник и предназначение романтической любви» — кажется даже более точным: ведь автор не просто говорит о психологических корнях романтической любви, но и о ее символике, ее роли в западной культуре и жизни человека, принадлежащей этой культуре.
- ²⁵ См. гл. 1–4 в кн.: Юнг К.Г. Aion: Исследование феноменологии самости. М. — Киев, 1997.
- ²⁶ Джонсон Р. Мы: Источник и предназначение романтической любви. С. 101–102. Тема двойственности именно романтической любви возникает у Джонсона не сразу, но только в последней части книги. До этого романтическая любовь рассматривается именно как особого рода выражение, нередко превратное, сублимативного устремления личности.
- ²⁷ Там же. С. 105.
- ²⁸ Там же. С. 110.
- ²⁹ Там же. С. 38.
- ³⁰ Там же. С. 49.

- ³¹ Джонсон Р. Мы: Источник и предназначение романтической любви. С. 43.
- ³² См.: Гильдебранд Д. фон. Метафизика любви / Пер. с нем. А.И.Смирнова. СПб., 1999. С. 205–245.
- ³³ Джонсон Р. Мы... С. 44. Андрогинические мотивы очевидны в этой характеристике. Но и фейербаховско-соловьевские сизигические мотивы здесь вполне просматриваются.
- ³⁴ Там же. С. 45. Строго-критически, рассуждения Джонсона в значительной своей части не отвечают современным ригористичным критериям гендерной корректности. Понятно, он следует старинной легенде, и в ней Тристану уделено перво-степенное внимание. Но говоря и о современном обществе, Джонсон имеет в виду в первую очередь западного мужчину. В специальном «Замечании для женщин», предваряющем книгу, Джонсон оговаривает, что в легенде романтическая любовь преподносится через призму мужского восприятия, добавляя, что этим легенда может быть интересной для женщин, имеющих возможность лучше понять мужчин. О женском переживании любви Р.Джонсон пишет в другой книге: «She: Understanding Feminine Psychology» («Она: Глубинные аспекты женской психологии» / Пер. с англ. В.К.Мершавки. М., 2005).
- ³⁵ Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Мужчина и женщина / Отв. ред. П.С.Гуревич. М., 1998. С. 154.